EDN OXZIBG

CC BY-SA

Дата поступления статьи: 06.05.2026
Дата поступления последней рецензии: 27.07.2026
Дата принятия статьи к публикации: 27.07.2026

Юридические конструкции и логика волевых отношений в публичном и частном праве

Оль П. А.
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
E-mail: opspb@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье анализируются волевые отношения в качестве содержания формальных юридических конструкций. Задача исследования состоит в выявлении и демонстрации основополагающих начал взаимообусловленности конструктивной юридической формы и волевого содержания в публичном и частном праве.

Методы и материалы: методологическим основанием исследования является формально-содержательный подход и понимание диалектической взаимообусловленности формы и содержания. Для этого также выделяются логические основания видовой градации отношений: эквивалентность, подчинение, пересечение, соотношение части и целого.

Результаты исследования и обсуждение: автором обосновывается, что в соответствии с логическими основаниями эквивалентности, подчинения и пересечения в юридическом плане могут быть представлены конструкции волевого единства и равенства, императивных и диспозитивных отношений. При этом все перечисленные логические основания юридических конструкций представлены в логике сопоставления части и целого, то есть в соотношении частной и публичной воли. Тематика волевых отношений обсуждается в фундаментальных понятиях субъектности, воли, волевой деятельности, волеизъявления, волевого взаимодействия.

Выводы: юридическая конструкция представляет собой способ решения юридически значимых задач, представленный и сформулированный как результат дискретного профессионального восприятия и осмысления логики волевых отношений. Общая концепция волевых отношений, ориентированная на юридическую деятельность, представляет собой теоретическое основание для понимания смыслового содержания фундаментальных категорий публичного и частного права.

Ключевые слова: волевые отношения, диспозитивные отношения, закон, императивные отношения, позитивное право, правоотношения, публичные отношения, субъект правоотношения, частные отношения, юридические конструкции.

Для цитирования: Оль П. А. Юридические конструкции и логика волевых отношений в публичном и частном праве // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2026. № 3 (29). С. 35–49. EDN: OXZIBG

© Оль П. А., 2026
© Ol, P. A., 2026

The article was submitted: 06.05.2026
Last review received: 27.07.2026
The article accepted for publication: 27.07.2026

Legal Structures and the Logic of Volitional Relations in Public and Private Law

Pavel A. Ol
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russian Federation)
E-mail: opspb@mail.ru

Abstract
Introduction: The article analyzes volitional relations as the content of formal legal constructs. The objective of the study is to identify and demonstrate the fundamental principles of the interdependence of the constructive legal form and the volitional content in public and private law.
Methods and materials: The methodological basis of the study is a formal-content approach and an understanding of the dialectical interdependence of form and content. To achieve this, the article also identifies the logical foundations of the species gradation of relations: equivalence, subordination, intersection, and the relationship between part and whole.
Research results and discussion: The author substantiates that, in accordance with the logical foundations of equivalence, subordination, and intersection, the legal framework can be represented by the concepts of volitional unity and equality, as well as by the concepts of imperative and dispositive relations. Moreover, all of these logical foundations of legal constructs are presented in the logic of comparing parts and wholes, i. e., in the relationship between private and public will. The topic of volitional relations is discussed in terms of the fundamental concepts of subjectivity, will, volitional activity, and volitional interaction.
Conclusions: A legal construct is a way of solving legally significant tasks, presented and formulated as the result of discrete professional understanding of the logic of volitional relations. The general concept of volitional relations, focused on legal activity, provides a theoretical basis for understanding the semantic content of fundamental categories of public and private law.
Keywords: volitional relations, dispositive relations, law, imperative relations, positive law, legal relations, public relations, subject of legal relations, private relations, legal constructs.
For citation: Ol, P. A. (2026) Legal structures and the logic of volitional relations in public and private law. *Theoretical and Applied Law.* No. 3 (29). Pp. 35–49. (In Russ.).

Введение

Сущность юридической деятельности, свойственной широкому кругу профессий, в конечном счете сводится к основанному на специальных знаниях уяснению и разъяснению правовых явлений. Как и для любой общественно значимой деятельности, представляющей собой способ социальной специализации, юридической деятельности свойственно характеризующее ее мышление и понятное, понятийное профессиональное общение. Понятия в таком общении формально определяются и представляются нам как формы, как образы устойчивых связей между явлениями[1]. Такое мышление и общение часто называют формальным или формально-юридическим, характеризующим профессиональную юридическую специфику и особое восприятия волевых общественных отношений. Кроме того, юридическое мышление конструктивно по своей природе, и волевые отношения понимаются как формальные юриди-

[1] См.: *Шептулин А. П.* Система категорий диалектики. М.: Наука, 1967. С. 267.

ческие конструкции. Но общественные отношения, рассматриваемые в юридическом контексте как волеизъявление или волевое взаимодействие сторон, сами подчинены определенным закономерностям и, соответственно, имеют свою логику — логику волевых отношений. Волевые социальные отношения, осмысление которых является рациональным (осмысленным) основанием юридических конструкций в публичном и частном праве, составляют и предметную область данного исследования. При этом наша основная задача состоит в выявлении и демонстрации основополагающих начал взаимообусловленности конструктивной юридической формы и волевого содержания в публичном и частном праве.

Методы и материалы

При исследовании волевых отношений мы исходим из той конкретной предметной определенности, которую нам дает юридический позитивизм. Поэтому методологическим основанием для нас является формально-содержательный подход и понимание диалектической взаимообусловленности формы и содержания. То есть предметная область рассматривается во взаимообусловленности юридической формы и волевого содержания. Для этого также выделяются логические основания видовой градации отношений: эквивалентность, подчинение, пересечение, соотношение части и целого. В методологическом ключе следует отметить также, что, несмотря на обращение к психологическому аспекту и понятиям социальной философии, представленная нами концепция не является попыткой объяснения самого права в понимании его некой естественной природы, а также мы не занимаемся поиском истоков права в частных волевых отношениях и тем более в психических процессах. Право понимается нами как рациональная, конструктивная нормативная форма, а волевые отношения рассматриваются в качестве содержания.

Результаты исследования и обсуждение

1. Юридическая конструкция как форма волевых отношений

Очевидно, что любая профессиональная юридическая деятельность — это не просто формальное восприятие явлений, она всегда содержит творческую составляющую, предполагает новые решения задач, в том числе и применительно к частным случаям, которые уникальны по своей природе. Соответственно, предлагаются разные способы решений, в каждом из которых может усматриваться новизна. Такие решения, как правило, носят сложный характер. Они, например, могут быть связаны с выбором конкретных необходимых норм, действий, выделением признаков этих действий с целью построения их в логической последовательности и т. д. То есть в определенной логике выстраивается то, что мы можем обозначить термином «конструкция». Рациональное мыслительное значение такой конструкции состоит в том, чтобы, объединив логическим способом простые понятия, создать новое понятие о более сложном явлении. Простые понятия становятся признаками этого сложного понятия — частями конструкции. То есть из разных объектов в логической взаимообусловленности формируется система, в которой эти объекты становятся элементами и так же, как система, в целом подчинены определяемой нами цели как сложное средство. Собственно, такую систему со свойством эмерджентности мы и называем юридической конструкцией, когда она имеет юридическое, теоретическое и практическое значение. Именно в таком конструктивном мышлении Р. И. Иеринг усматривал концептуальное основание описания юридического феномена, который обозначил термином «юридическая техника»[2].

Таким образом, юридическая конструкция — это *представленный, сформулированный результат (продукт) профессионального мышления, основанного на дискретном (дигитальном) восприятии. Ее сущность, так же как и формы выражения, обусловлены теоретической или практической значимостью — решаемыми теоретическими или практическими задачами.* В общем юридическом зна-

[2] См.: *Иеринг Р. И.* Юридическая техника. М.: Статут, 2008. С. 71.

чении нам нет необходимости сужать смысловое содержание термина «юридическая конструкция», ограничивая его лишь отдельными проявлениями в правотворчестве и теоретическом познании[3], в правоприменении[4] и даже в правовых средствах в целом[5]. *Юридическая конструкция представляет собой способ решения задач* как в теоретическом научном познании, так и в практической деятельности, как в правотворчестве, так и при реализации норм права. Соответственно, юридическая конструкция может быть нормативной или казуальной[6]. Поэтому добавим сюда еще и ту форму убеждения, которую принято называть юридической аргументацией.

Историческая природа юридических конструкций проявляется уже в обычном праве как аксиомы справедливости и результативности, как нормативные общественные представления об императивных и диспозитивных волевых отношениях. Эти отношения переосмысливаются в логике перспективной публичной необходимости или сообразно целям публичной власти при понимании обычных особенностей, объективных закономерностей. В таком осмыслении общественных отношений формируются и законодательные нормативные конструкции. Законодательно устанавливаются и в определенной логике закрепляются конструкции статусов лиц, согласительных процедур, процессуальных форм, наказаний и т. д., которые обозначаются разными терминами, названиями. В процессе законотворческой деятельности юридические конструкции выстраиваются, упорядочиваются осознанно, уже как продукт перспективного осмысления (рационального мышления) законодателя. В этом смысле и сам закон является сложной нормативной конструкцией необходимых для государственной формы организации должных волевых отношений. Вместе с тем законодательное регулирование как рациональная конструктивная деятельность нами также понимается в историческом развитии, и мы видим исторические примеры как самых ранних примитивных форм, так и современных сложных форм, характеризующихся высокой степенью конструктивной проработки. Для самых ранних форм характерно в значительной степени публичное статусное и деликтное содержание, детерминированное обычаями и религиозными представлениями о преступлении и наказании. При этом частные отношения в силу их предметного разнообразия в значительно меньшей степени выступали в качестве предмета законодательного регулирования. Но уже эпоха Античности как раз со свойственным ей примитивным законодательством лучше всего демонстрирует генезис рациональных юридических конструкций на примере римского права, которое является, по сути, конструктивной теоретической основой современного частного права.

Понимая юридическую конструкцию в историческом смысле, мы видим, что текстуальная форма способствует широкому публичному распространению, а также точности, однозначности понимания смыслового содержания. При этом текстуально оформленные юридические конструкции могут приобретать уже официальное практическое значение. Например, способы разрешения частных социальных противоречий на основе толкования законов, обычаев делового оборота, религиозных предписаний и субъективных оценок справедливости в текстах юристов Античности представляют собой, по сути, конструкции частных результативных решений — способы снятия противоречий в волевых отношениях. Эти решения, в силу общественного осознания их логичной конструктивности, справедливости и результативности, а также авторитета автора, обретали публичную значимость и нормативное качество. Упорядоченные определенным образом текстуальные формы описания таких логических конструкций — Пандекты, Дигесты, Институции — наделялись качеством официальных нормативных оснований для принятия судебных решений и, соответственно, становились доктринальными источниками права[7].

---

[3] См.: *Черданцев А. Ф.* Юридические конструкции, их роль в науке и практике // Правоведение. 1972. № 3. С. 12–19.

[4] См.: *Горшенев В. М.* Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 117–118.

[5] См.: *Сапун В. А.* Право. Правовые средства. Правосознание. СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2012. С. 394–395.

[6] Поэтому мы видим, что юридическим конструкциям, если они понимаются, например, как средства и способы в юридической технике, всегда будут присущи как обобщение те признаки, функции и критерии классификации, которые соответствуют признакам, функциям, критериям классификации правотворчества, норм права, форм и способов реализации норм права, а также их толкования. Это проявляется в многообразии представлений о юридических конструкциях. См., например, журнал «Юридическая техника». 2013. № 7. Ч. 2. Юридическая конструкция в правотворчестве, реализации, доктрине. 920 с.

[7] Подробно см.: *Разуваев Н. В.* Юридическая доктрина как средство конструирования правовой реальности // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2019. № 1. С. 5–21; *Разуваев Н. В.* Правотворческое значение сочинений юристов в правовой традиции античного мира // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. № 2. С. 7–33.

Юридическая доктрина в целом, как знания о праве, основывается на историческом опыте и логическом мышлении. В логике, соответствующей представлениям о праве (в юридической логике), исторически осмысливаются особенности волевого взаимодействия между людьми и формируются такие теоретические конструкции волевых отношений, которые имеют как гносеологическое, так и практическое, инструментальное юридическое значение. Построение юридических конструкций, в частности тех, которые мы понимаем как правовые средства, также предполагает перспективное осмысление волевых отношений. Это позволяет расширить область их практического использования. Например, позволяет использовать такие приемы юридической техники, как «аналогия» или «условное принятие за истину». В частности, такие нормативные конструкции, как юридические презумпции и фикции, способствуют не только эффективности решения задач при реализации норм права, но и реализации принципа справедливости. Элементарные теоретические конструкции, являющиеся необходимым основанием для общего представления о праве, такие как «субъект права», «правоотношение», «правовая норма», «правонарушение» и др., также объясняются посредством понятия волевых общественных отношений. Собственно и смысловое содержание самого термина «юридическая конструкция» часто раскрывается через понятия общественных отношений, понимается как форма их отражения[8].

2. Субъектность и волевые отношения в юридических конструкциях

Элементарное основание для построения любых юридических конструкций — это понятие субъектности[9]. Но при этом следует констатировать, что сам феномен субъектности может быть объяснен и выражен в понятии только посредством другого понятия — понятия отношения[10]. Прежде всего, это отношение со средой, *относительно* которой мы определяем саму субъектность. И если мы говорим о человеке как о субъекте, то имеем в виду прежде всего такой критерий, как сознание, которое также рассматриваем относительно среды — всего несознательного. Сознание является объектом изучения психологии, но в самом общем значении понимается как функция мозговой деятельности или как сложная форма отражения. Как объект изучения сознание также структурируется сообразно выявляемым функциям. В самом упрощенном виде, но в достаточном для нашего юридического контекста, сознание функционально представляется, прежде всего, как восприятие, ощущения, эмоции, внимание, память, мышление, воображение и самосознание. В такой функциональности формируются также и те способности человеческого сознания, которые в синтетическом единстве эмерджентно дают нам понятие воли и, соответственно, осознанного, сознательного, волевого поведения — волевой деятельности.

При наиболее глубоком изучении свойств человеческого сознания и воли исторически обосабливаются два подхода. Первый связывает волю с мотивацией, а второй — с возможностью преодоления[11]. В отечественной психологии утвердилась концепция, которую условно можно определить как структурно-функциональную, или системную. Так, например, Е. П. Ильин в своих исследованиях исходит из того, что «воля, как и многие другие психологические термины (восприятие, мышление, память), — это обобщенное понятие, обозначающее определенный класс психических явлений, процессов и действий, объединенных единой функциональной задачей — сознательным и преднамеренным управлением поведением и деятельностью человека»[12]. Сходной точки зрения придерживается В. А. Иванников, по мнению которого воля, как и другие высшие функции человеческой психики, «является системно построенной, в ее работе задействованы эмоции и мотивация, мышление и воображение, внимание и па-

[8] См.: *Черданцев А. Ф.* Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург : Наука, 1993. С. 131; *Переверзев В. В.* Юридическая конструкция как научная проблема: теоретико-правовой аспект // Философия права. 2009. № 3. С. 116; *Ивашевский С. Л.* Юридическая конструкция как модель общественных отношений // Юридическая техника. 2013. № 7, ч. 2. С. 266–270; и др.

[9] Здесь мы будем вести речь о субъектности, понимаемой не в формально-логическом, а в социальном значении. То есть субъектность понимается как активность, обусловленная когнитивными способностями, как социальное качество человека. При этом мы имеем в виду, что логическое противопоставление субъекта предикату также является основанием понимания социальной субъектности в целом. — *П. О.*

[10] Под отношением в нашем исследовании понимается осознанное отражение — проявление свойств и качеств одного явления в другом. — *П. О.*

[11] См.: *Ильин Е. Л.* Психология воли. 2-е изд. СПб.: Питер, 2009. С. 55.

[12] Там же.

мять… Системность построения воли объясняет, почему в истории науки волю сводили к мотивам, эмоциям, мышлению или вниманию. Все эти процессы реально участвуют в волевой регуляции, что и было замечено разными исследователями, неправомерно преувеличившими при этом значение отдельных процессов»[13]. По мнению Г. Л. Тульчинского, то, что рассматривается как воля, не представляет собой статическое явление, а отражает динамику решений и действий[14].

Компоненты действия как операции волевого акта в логической последовательности отражены в научной праксеологической парадигме «цель — средство — результат». Ей соответствуют функции волевой деятельности, то есть необходимые операции, в которых проявляется ее сущность. Это целеполагание, исполнение (выбор средств и их применение) и контроль — обратная связь, предполагающая оценку результата (например, выраженная как способность отдавать отчет в своих действиях). Степень возможности осуществлять каждую из этих функций может быть разной, но в целом они качественно характеризуют свойства человеческой деятельности и являются основными необходимыми волевыми качествами человека, понимаемого нами как субъект[15]. Эти волевые качества позволяют увидеть отличие понятия деятельности волевой, например, от биологического понятия деятельности — жизнедеятельности организма. Волевая деятельность в гуманитарных науках понимается как волевое поведение, иногда просто как человеческая деятельность (когда уже предполагается ее волевой характер), а способность человека к такой самостоятельно контролируемой, ответственной деятельности определяется как дееспособность.

Понимание осознанного восприятия, мышления, принятие волевого решения в качестве компонентов волевого поведения имеет для нас значение как основание субъектности. То есть человек представляется уже не просто как объект, воспринимающий и реагирующий на внешние изменения, а именно как самосознание, «отделяющее» себя от объективного материального мира, от среды. Мы имеем в виду уже субъекта познавательной и мыслительной (интеллектуальной, умственной) деятельности со способностью целеполагания, исполнения и самоконтроля.

Таким образом, мыслительный процесс и осмысленное, ответственное решение — это волевая субъективная деятельность. Принятие такого решения — это уже не простая рефлексия, не инстинктивная реакция, а волевая активность — волевой акт выбора, волевая деятельность. Вместе с тем очевидно, что наша воля выражается не только в мыслительном процессе и принятии соответствующего решения. Она материализуется — воплощается в телодвижении, то есть в таком поведении, которое также носит осмысленный волевой, целенаправленный характер и понимается нами как волевая деятельность, как волевое поведение или как волеизъявление — способность изменять материальную среду сообразно представленной как цель (выраженной в цели) потребности — осознанной субъективной необходимости. Эта потребность нашу деятельность обуславливает, детерминирует, то есть побуждает, мотивирует, когда мы осознаем собственную возможность удовлетворения потребности при помощи (посредством) нашей деятельности, то есть когда мы осознаем свою субъективную возможность как средство достижения цели и принимаем волевое решение действовать. Таким образом, субъективная способность осмысливается нами относительно всеобщей объективной необходимости и понимается уже как возможность ее частного преодоления, изменения[16].

Воля в материальном мире проявляется и воспринимается как деяние в активной и пассивной формах. В правовой доктрине и в юридической практике, например, при юридической квалификации правонарушений, акт волеизъявления понимается как волевое действие или как волевое бездействие, которые характеризуют поведение в условиях среды (объективной стороны). При этом очевидно, что по результату и последствиям, воспринимаемым относительно условий среды, волеизъявление может иметь положительный (позитивный) или отрицательный (негативный) характер при субъективной оценке.

---

[13] *Иванников В. А.* Воля // Национальный психологический журнал. 2010. № 1. (3) С. 101–102.

[14] *Тульчинский Г. Л.* Проблема воли: современные тематизации // Философские науки. 2017. № 7. С. 35.

[15] Способность выполнять каждую из этих функций качественно характеризует любую социальную субъектность. Это фундаментальные, осмысливаемые на основе научной парадигмы, необходимые волевые качества, относительно которых понимаются и объясняются все иные волевые качества, выделяемые в психологии, — базальные и системные. — *П. О.*

[16] Возможность мы понимаем как отсутствие непреодолимых ограничений, а необходимость — как непреодолимое ограничение. — *П. О.*

В частности, волевое действие, осуществляемое вопреки внешней (объективной) необходимости бездействия, или, наоборот, бездействие при объективной необходимости действовать. При этом результат деятельности не удовлетворяет субъективные потребности и влечет в конечном счете нежелательные последствия для самого субъекта. Соответственно, желательные последствия оцениваются в противоположной логике активного и пассивного волеизъявления: действие при объективной необходимости действовать и бездействие при объективной необходимости бездействовать — это правильное поведение. При понимании этих способов волеизъявления условно разграничиваются и теоретически выделяются так называемые внутренняя сторона и внешняя сторона субъектности — способность принятия волевых решений и способность к проявлению этих решений в материальном, рецепторно воспринимаемом мире. Понимание воли во «внутреннем» и «внешнем» качестве, в совокупности с научной парадигмой «цель — средство — результат», функционально характеризующей волевую деятельность человека, является не только основанием понимания правовой дееспособности, но также методологическим основанием, например, юридической конструкции состава правонарушения, которая позволяет квалифицировать волевой акт на предмет причиняемого вреда или представляемой общественной опасности. Но эти парадигмы также являются логическим основанием в построении самых разных юридических конструкций субъектности: правосубъектности, физических и юридических лиц. В конституционном праве они положены в основу концепции федерализма и функционально-институционального разграничения государственной властной деятельности (ветви власти), а понимание внутреннего и внешнего проявления воли составляет основу юридической конструкции государственного суверенитета[17] и т. д.

В теории мы часто описываем и рассматриваем субъектность как абстракцию, то есть вне отношений или в абстрактном понимании так называемого абсолютного отношения, не определяя противоположную сторону. Но нами всегда предполагается ее существование. Субъектность в волевом своем качестве не существует вне волевого взаимодействия, вне социального общения, свойственного человеку как виду (Homo Sapiens). Это означает также, что воля может иметь социальное значение только при своем внешнем проявлении, то есть в поступках, в предметно-практической деятельности, выраженной в физическом материальном изменении. Только такие изменения способны рецепторно воспринимать и осознавать остальные представители вида, что является общей для нас всех природной, биологической заданностью и необходимостью во взаимодействии. При этом именно такое восприятие и осознание волеизъявления субъекта предопределяют волевой характер социальных отношений. Условием генезиса волевых отношений является возможность восприятия, субъективной оценки выражения чьей-либо воли, а также возможность ответной реакции на воспринятое волеизъявление, которая также проявляется и воспринимается, и т. д. Причем под волеизъявлением мы понимаем всякое изменение в материальном мире, которое можно представить как причинно-следственную связь принятого волевого решения и его следствия, в частности звукообразование (речь), жесты и иные телодвижения человека, которые, в свою очередь, способны быть восприняты через рецепторы человеческим сознанием и поняты, осмыслены, оценены. В нашем же понимании собственно и сам феномен субъектности как таковой формируется и проявляется только во взаимодействии, воспринимаемом также как проявление воли в общении, или в понимании самого общения как волевого отношения. Такое волевое взаимодействие индивидуально воспринимается, познается, осмысливается как необходимость человеческого существования и представляется как сфера человеческого общения — его социальная среда[18]. При этом социальная среда, осмысливаемая в общении, понимается как общество, воспринимаемое в лицах.

То есть в волевых отношениях воля представлена и воспринимается как лицо. В юридическом плане лицо — это волевые качества субъекта, его способность выступать стороной в правоотношении.

---

[17] См.: *Оль П. А.* Суверенитет государства и суверенность правовой системы Российской Федерации: векторы неизбежных изменений // Теория государства и права. 2024. № 4 (41). С. 150–170.

[18] В волевых отношениях происходит и социальный нормогенез, а также реализация социальных норм в волевом поведении — в предметно-практической деятельности. Подробно см.: *Оль П. А.* Источник права: форма и содержание в контексте суверенизации национальной правовой системы // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 1 (30). С. 47–56.

Прежде всего, имеется в виду юридическая дееспособность, а также ее разные проявления (деликтоспособность, сделкоспособность, договороспособность и иные возможные производные). В юридическом значении смысловое содержание термина «лицо» — это формальная конструкция волевого участия в правоотношениях — в отношениях, регулируемых нормой позитивного права, которое конструктивно определяет положение сторон личных, частных отношений или нормативно определяет варианты возможного и необходимого волевого поведения. Таким образом, лицо понимается прежде всего как субъектность, представленная способностью реализовывать субъективную возможность и исполнять обязанности, которые определяются и устанавливаются частноправовым способом или установлены нормативным волевым (государственно-властным) предписанием. Но структура самих волевых отношений очевидным образом отличается от структуры (состава) правоотношения, как содержание отличается от формы. Если само понятие волевого отношения рассматривать в диалектическом единстве формы и содержания, то его формой будет являться правило как устойчивый образ условий (обстоятельств), необходимого или возможного при этих условиях волевого поведения каждой стороны, а также необходимого результата.

Содержание этих отношений — волеизъявление сторон как реализация конкретной субъективной возможности и, соответственно, волевого подчинения возникающей для лица внешней необходимости (или противоположной воле как обязыванию). В юридической конструкции правоотношений волевая возможность и необходимость обозначаются терминами «субъективные права» и «субъективные юридические обязанности» — определенные сторонами или правовой нормой варианты возможного и необходимого (должного поведения). В качестве объекта правоотношений обычно выделяют материальные или нематериальные ценности. Этого, в принципе, достаточно для обобщенной теоретической конструкции. Но иногда замечается, что такими ценностями могут быть и возможности, сами субъективные права. То есть проявляется более глубокое осмысление волевого аспекта. Поэтому если мы говорим собственно о самих волевых отношениях, то в качестве объекта этих отношений выделим средства, способы удовлетворения субъективных потребностей, то есть средства достижения целей в структуре волевой деятельности субъекта. И поскольку субъектов в волевых отношениях всегда два и более, то объект является областью внимания каждой из сторон как средство, способ удовлетворения субъективных потребностей. Но понимание этих средств и способов разное в субъективной оценке их значения для каждой из сторон. Соответственно, можно выделить и предметную область в волевых отношениях — сами субъективные потребности сторон (оцениваемые в моменте на предмет необходимости). В таком понимании предметная область волевого отношения имеет сложный состав.

Особенность человеческой социальной среды проявляется именно в волевых отношениях, в способности волевого взаимного общения между лицами, то есть во взаимоотношениях. Такое волевое общение основано на общей способности сторон волевых отношений осмысливать свою возможность как чужую необходимость, а чужую необходимость — как свою возможность, но также и свою необходимость как чужую возможность, а чужую возможность как свою необходимость. То есть важно осознание самой субъективной способности к «отчуждению» и «присвоению» волевых возможностей. В этом осмыслении, как и в нашем понимании волевого отношения, субъективная возможность одного субъекта восполняет необходимость (удовлетворяет потребность) другого субъекта. Таким образом, социальные отношения, рассматриваемые в контексте нашего исследования, приобретают характер «волевого социального обмена», который мы понимаем также как общение, в котором субъективная потребность (необходимость) одной стороны удовлетворяется субъективной возможностью другой стороны. Такое понимание содержания волевых отношений обращает нас к известной логической конструкции, использование которой в методологическом качестве позволяет осуществить видовую градацию волевых отношений, охарактеризовать их видовые особенности. В формальной логике видовое обособление отношений осуществляется по трем основаниям: *эквивалентность, подчинение, пересечение*. Соответственно, эти логические основания будут для нас критерием разграничения волевых отношений по видам, а также будут пониматься как *способы связей, образующие нормативную структуру всех социальных институтов, в том числе и государства*.

3. Логические основания видовой градации волевых отношений в юридических конструкциях частного и публичного права

Экстраполируя логическое понятие эквивалентности отношения на понятие волевых отношений, нам представляется, что как *эквивалентные* можно охарактеризовать те волевые отношения, в которых совпадают цели. Содержание этих отношений представляет собой одну целенаправленность волеизъявления всех сторон, то есть осознанный образ желаемого результата у всех субъектов имеет одинаковые свойства.

Характеризуя субъектность в социальных отношениях, мы прежде всего предполагаем определенную самостоятельность, возможность самоопределения (автономность воли). Исходим также из общего понимания того, что каждый представляемый в социальных волевых отношениях индивид (индивидуальный представитель человеческого вида) воспринимается в своих индивидуальных волевых качествах как самостоятельное деятельное лицо. При этом, несмотря на субъективную способность к самостоятельным волевым преодолениям, в целом субъект всегда подчинен условиям социальной среды, которая, как и среда, именуемая природной средой, является объективной необходимостью для каждого. Нетождественные возможности субъектов и их частные субъективные потребности уравниваются относительно коллективного целого, например по отношению к общей для всех необходимости коллективного существования, перед которой все равны. Каждый субъект подчинен этой необходимости как объективному закону коллективного человеческого существования. В таких волевых отношениях каждый субъект при своем целевом устремлении является одновременно и средством достижения общей цели.

Осознание общности цели способствует осознанной социальной кооперации в предметно-практической деятельности. Но самая простая природная, еще не в полной мере осознанная форма такой кооперации, которая не предполагает осмысленного функционального разграничения сложных операций, при этом уже является совместной волевой, целенаправленной деятельностью каждого, а функции распределены природой, в частности по половозрастному основанию. В условиях более сложной коллективной организации труда такое волевое взаимодействие носит не просто характер восполнения индивидуальной потребности или личной помощи. В коллективе при общем осознании необходимости единства для достижения коллективной цели осознанная волевая возможность каждого является основанием сознательной взаимопомощи, а взаимопомощь уже сама осознается как общая необходимость (для общего дела). При этом каждой из сторон волевая возможность противоположной стороны осознается еще и как собственная возможность. В свою очередь, необходимость противоположной стороны понимается сторонами как собственная. В таком отношении необходимость и возможность каждого осознаются как общие. На основании логики эквивалентности выстраиваются волевые конструкции коллективного или публичного волеизъявления, принятия решения — общего или всеобщего выбора, признания, одобрения, в частности плебисцита и уже современной конституционной конструкции референдума.

Особенность эквивалентного волевого отношения состоит в том, что субъективные, единичные цели переходят во всеобщее качество и становятся общей волей, а не просто природной функцией. Уже в коллективном осознании, то есть в общезначимой нормативной форме, такое подчинение социальной необходимости является подчинением осознанной общей необходимости, моральному, но еще не организованному волевому императиву. Это дает нам основание и для представления о публичности, о юридическом равенстве как тождестве в отношении к императиву. Но, кроме того, при осознании тождества целей в естественном человеческом сосуществовании происходит историческое осознание, осмысление природных коллективных инстинктов. Они переходят в качество социальной, моральной нормы — перспективной ответственности каждого перед сообществом и будущими поколениями. В своем историческом развитии и уже в правовой форме закона осознанная социальная необходимость, как всеобщая публичная воля, становится одним из фундаментальных институциональных принципов национального единства. Этот принцип перспективной социальной ответственности закреплен в том числе в преамбуле Конституции Российской Федерации. Но в целом такое представление волевой эквивалент-

ности является логическим основанием юридического понимания единства, в том числе организационного единства, а также коллективных форм субъектности, если мы добавляем еще и такие логические основания, как волевое подчинение и пересечение.

В качестве следующего основания для видового обособления волевых отношений мы выделяем такой признак, как *подчинение*. Это свойство тех волевых отношений, в которых цель одной из сторон, обусловленная ее субъективными потребностями, становится внешней целевой установкой для других сторон, которые выступают в качестве средств удовлетворения осознанных субъективных потребностей. Волевая возможность одной из сторон становится необходимостью для других. Цель субъекта достигается посредством (за счет) возможностей другого субъекта, который становится средством достижения цели. При этом субъект, выступающий в качестве средства, осознает внешнее волевое воздействие как объективную (внешнюю) для него необходимость.

Содержание волевых отношений подчинения представляется нам как волевое принуждение к целенаправленному поведению или как убеждение в необходимости целенаправленного поведения. Соответственно, мы имеем в виду также и отвечающие принуждению и убеждению исполнение (реализацию) волевого целеполагания как требования или осознанное следование ему в поведении уже как своему собственному убеждению. При этом объектом волевых отношений подчинения является сознание, но выраженное в волевом поведении, то есть как осознанная деятельность подчиняемой стороны, а предметную область можно определить уже непосредственно, то есть как саму волю.

Изначально такое подчинение основывается на природных физических преимуществах и половозрастных особенностях, на биологической необходимости (зависимости). Но вместе с тем обусловленная природой необходимость социальной организации, значение социальной иерархии, место в ней (статус, функция) и само подчинение рационализируются, осмысливаются как необходимые условия для существования, прежде всего для выживания в природной среде. Например, в таком ключе переосмысливается биологическая зависимость от родителей в качестве необходимости подчинения воле старших. Приобретают осознанное значение жизненный опыт, навыки, умения, знания, которые формируют авторитет старших. Понимается необходимость подчинения воле такого авторитета, оцениваемого в волевом качестве как личность. Адресное волеизъявление с его стороны осознается также как социальная, коллективная необходимость. Природная иерархия в социальной среде, основанная на биологических особенностях, переходит в рациональное качество — в осознанное волевое подчинение, в социальный моральный волевой императив. Таким образом, в человеческом сосуществовании подчиняющее волеизъявление, его последствия воспринимаются и осознаются каждым субъектом волевой деятельности как общая необходимость — коллективная обязанность.

К волевым актам, то есть к волевым проявлениям подчинения в волевом отношении, как правило, относят волевое принуждение и отвечающее ему волевое поведение. Именно такое отношение в юридической доктрине понимается как императивное, как внешнее ограничение воли через осознание угрозы еще большего волевого ограничения. На таком понимании основаны представления о публичной власти и юридической обязанности. Но в волевом подчинении может усматриваться как подавление воли, внешнее ограничение субъективных возможностей, так и признание, личное согласие. Очевидно, что изначально подчинение предполагает достижение цели непосредственным физическим воздействием либо подчиненности (при несовпадении субъективных потребностей и целей) посредством выражения, демонстрации угрозы наступления отрицательных (негативно оцениваемых) последствий, например демонстрации возможности физического воздействия одной из сторон. Такое воздействие, обусловленное биологически, может мотивироваться инстинктами и естественно свойственно человеку — представителю биологического вида. Но, рассматривая волевое отношение как человеческое общение, важно учитывать также способность сторон в волевом проявлении, например посредством жестов, речи, демонстрировать совпадение, тождество субъективных потребностей, а также способность осмысления этого совпадения как факта и, соответственно, понимания эквивалентности, совместимости, цели как образа желаемого для каждой стороны результата. Демонстрация такой возможности, с одной стороны, и принятие (признание, одобрение) — с другой, являются содержанием убеждения как волевого воздействия

на сознание и отвечающей такому воздействию подчиненности воли, то есть уже добровольного подчинения и исполнения требований в поведении. Эти требования через убеждение и осознание их значимости становятся общим представлением сторон о чем-либо или в переосмыслении понимаются как общая задача. В частности, правомерное поведение в обществе мотивируется не только страхом перед наказанием, но и убеждением в его социальной полезности, а соответственно, и субъективной, личной необходимости. То есть подчинение становится добровольным, основанным уже на «внутреннем» убеждении. Здесь важно отметить, что убеждение является объектом глубоких исследований с психологической, морально-этической, политологической и, конечно, религиозной точек зрения. И мы должны констатировать, что в данном случае весьма упрощенно рассматриваем конструкцию убеждения как социального волевого отношения подчинения. Надо понимать также и то, что далеко не всякое убеждение обязательно должно рассматриваться именно в контексте волевого подчинения. Но убеждение как волевое подчинение является способом правового воспитания личности, целенаправленного формирования общественного правосознания и морально-волевых качеств. Убеждение также представляется как волевое содержание юридической аргументации.

Пересечение характеризует те волевые отношения, в которых усматривается различие целей. Момент пересечения проявляется в средствах их достижения. В таком пересечении может пониматься социальное противоречие, конфликт частных интересов или социальный конфликт вообще. Но способность «волевого обмена» позволяет снимать эти противоречия. Согласие сторон как средство (способ взаимодействия) позволяет достигать разных субъективных целей. Это согласие основано на общем осознании субъектами своего равенства относительно человеческих видовых, волевых качеств. В отличие от эквивалентного отношения или отношения подчинения, конечная цель у сторон всегда разная, и согласие здесь является не целью, а лишь способом достижения целей при понимании сторонами их нетождественности. Такое отношение между субъектами имеет взаимокорреспондирующий волевой характер. Субъективная потребность одной из сторон удовлетворяется субъективной волевой возможностью другой стороны. Но при этом ее субъективная возможность удовлетворяет потребность другой, противоположной стороны. То есть это достижение субъективных, единичных, индивидуальных, а соответственно, разных целей общим способом — общим волевым одобрением сторон, общим замыслом или умыслом в согласии, вербально выраженными в договоренности сторон. Объектом таких отношений пересечения представляется общий способ достижения разных целей. И необходимым условием является осознание сторонами совместимости как возможности удовлетворения разных субъективных потребностей. Соответственно, важно и осознание каждым субъектом возможности противоположной стороны в качестве средства, позволяющего удовлетворить его личную субъективную потребность. Стороны достигают свои цели посредством друг друга. Альтернатива понимается как недостижение целей или волевой конфликт сторон с непредсказуемым, нежелательным, неприемлемым для сторон результатом. Осознание самой возможности «обмениваться» волевыми возможностями, а также допущения взаимоответственности как рационально создаваемой взаимной необходимости (взаимной подчиненности) предполагает равенство по отношению к общей для сторон необходимости в удовлетворении разных потребностей. Это возможно только при самостоятельном принятии решения о волеизъявлении всеми сторонами (при автономии воли). То есть такие отношения характеризуются диспозитивностью.

Рассматривая этот вид отношений, мы абстрагируемся от необходимости подчинения их внешней социальной целевой установке и говорим лишь о субъективной волевой возможности выбора, возможности самостоятельного решения о принятии условий, ограничивающих собственные волевые возможности самих субъектов. Императив становится предметом выбора для них — добровольно возлагаемой на себя необходимостью, волевой субъективной обязанностью в обмен на обретаемую волевую субъективную возможность. Представление о таких волевых отношениях положено в основу конструкции диспозитивного правового регулирования, когда уже законодательно устанавливаются нормативные формы, а их выбор и волевое содержание определяются сторонами (в части, не ограниченной законом) на основе принципа автономии воли — самостоятельности принятия волевых решений и волевого равенства сторон перед законом, которому подчинено их волевое согласие как властному императиву.

Таким образом, воля сторон в своей согласованности должна соответствовать закону как волевое содержание — нормативной правовой форме.

Понимание согласованного волевого пересечения — необходимое условие обменных имущественных отношений в общественной хозяйственной деятельности, основанной на частной собственности. Например, уже государственные формы древнеримского общества были не просто приспособлены к масштабному деловому обороту, но основывались на масштабном экономическом обмене, в том числе на государственном торговом обмене. В рациональном осмыслении разных способов «волевого пересечения» и в понимании логики основанного на них множества обычаев делового оборота юристами Античности создавались универсальные юридические конструкции, которые инкорпорировались как эффективные решения, конструктивные способы снятия волевых противоречий в отношениях собственности[19]. В силу своей логичности и эффективности юридические представления о сделке, соглашении, договоре об их видах и, соответственно, об их особых конструкциях, а также конструктивные представления о процессуальных способах решений сегодня обрели форму кодифицированного закона.

Если мы все вышеперечисленные отношения рассматриваем в юридическом плане, то должны иметь в виду, что все они рассматриваются в контексте неперсонифицированной всеобщности публичной воли, которая представляет собой моральную волевую эквивалентность, целостность, в отношении которой любая иная воля понимается как частная, а все волевые отношения — как частные отношения. Они подчинены публичной воле, как части подчинены целому, то есть понимаются в логике целого и частей. В такой логике все волевые отношения, в которых одной из сторон является общество в морально-волевом качестве, представляются нам как публичные отношения. Но уже под организованной публичной волей мы понимаем не моральный императив, а государство как институт профессионального правления и принуждения, теоретически выделяемый нами из моральной публичности общества. Закон понимается нами как нормативный правовой акт высшей степени легитимности, как профессионально в нормативной форме сконструированная, но при этом публичная воля. И закон уже не просто как моральное выражение публичной воли, а как нормативно выраженная публичная государственная власть в организованном государственном подчинении регулирует как публичные отношения (которые во избежание смешения понятий именуются общественными), так и общественные частные волевые отношения. При этом публичное отношение доктринально представляется как абсолютное отношение, а законодательно регулируется посредством юридической конструкции статуса. Законодательно устанавливается статус государственных институтов (должностей, органов, учреждений). Этим же способом государство регулирует публичные отношения с участием институтов частных лиц (граждан, физических и юридических лиц), а также публичных институтов (религиозных организаций, институтов национальной самоорганизации и местного самоуправления, политических институтов партийной организации). Таким образом, посредством закона публичной воле, но уже представленной в государственном качестве, подчиняются и частные, и негосударственные публичные отношения. Такое сопоставление общественных отношений следует рассматривать в более глубоком осмыслении логики соотношения категорий «всеобщее», «особенное» и «единичное». При этом в юридическом значении публичность, как правило, ассоциируется нами с государственной волей, выраженной в нормативности государственных институтов (должностей, органов, учреждений), или с институтами и учреждениями местного самоуправления. То есть под публичным отношением (иногда под частно-публичным) понимается отношение, в котором государственные структуры или структуры местного самоуправления представлены как стороны или как одна из сторон.

Методы государственного волевого регулирования общественных отношений, так же как и при доктринальном объяснении правового регулирования, условно можно разграничить на императивный и диспозитивный. Но в нашем понимании государственное императивное регулирование — это способ снятия волевых противоречий. Все частные и публичные волевые отношения — эквивалентные, подчинения, пересечения — состоят в подчинении государственной суверенной воле. При таком подчинении

[19] Подробно см.: *Разуваев Н. В.* Социально-исторический контекст права собственности в римском частном праве // Российская юстиция. 2025. № 12. С. 57–67.

распределяются частные и публичные волевые возможности лиц. Во всеобщей тотальной и абсолютной подчиненности суверенитету как необходимости государственного существования посредством закона определяются дозволения и предоставляются волевые возможности для установленных законом категорий лиц — субъективные права. Но также в общей необходимости государственного подчинения посредством закона воля категорий лиц ограничивается запретами. Соответственно, волевые отношения, в которых субъективные возможности могут обретаться и ограничиваться личным, частным образом, изменяются по воле законодателя способом нормативным. При этом волевые возможности лиц в определенных предметных областях посредством нормативного распределения прав и обязанностей «сменяются» государственной необходимостью. И наоборот, тотальная необходимость государственного подчинения законом ограниченно, предметно нивелируется, и, следовательно, сохраняется или возникает субъективная волевая возможность — автономия воли.

В гипотетическом ключе обратим внимание на то, что историческое осознание волевых отношений в целом представлено логической квинтэссенцией, которая выражена в фундаментальной аксиоме всеобщего равенства перед законом. Эта аксиома, как необходимое условие государственного существования, становится основной идеей юридической деятельности — формирования нормативных правовых конструкций в отраслях публичного и частного права, а также основополагающим началом сознательной реализации правовых норм. Во всеобщем равенстве перед законом уже как в юридическом принципе конструктивно выражена исторически осмысленная логика волевых отношений: волевой эквивалентности, волевого подчинения, волевого пересечения, а также публичной всеобщности воли и частных ее проявлений.

Подводя итог нашим рассуждениям, отметим, что, акцентируя внимание на теоретико-правовых и нормативных правовых конструкциях, мы безусловно имеем в виду и то, что реализация норм права также конструктивна по форме и сама часто предполагает обращение к доктринальным конструкциям при юридической квалификации в правоприменении (например, конструкция состава правонарушения, нормы права), а также выбор нужной, иногда сложной нормативной конструкции как правового основания для принятия решений. Создаваемая казуальная логическая конструкция является способом непосредственной реализации норм права и, соответственно, способом юридической аргументации — обоснования юридической позиции. Поэтому обширная тематика исследований логики волевых отношений как методологической основы построения юридических конструкций при реализации правовых норм нам представляется самостоятельным фундаментальным направлением, областью специальной теоретической проработки в контексте научных представлений о юридической технике.

Выводы

Юридическая конструкция представляет собой способ решения юридически значимых задач, представленный и сформулированный как результат профессионального осмысления логики волевых отношений.

Понимание элементарной логики волевых отношений дает нам общее представление о позитивном праве, особенностью которого является рациональность и конструктивность нормативной формы. Вместе с тем сам по себе выбранный нами аспект не является достаточным для понимая механизма правового регулирования в целом. Но концепция волевых отношений, ориентированная именно на юридическую деятельность, представляет собой теоретическое основание для понимания смыслового содержания фундаментальных юридических категорий, то есть как минимум имеет значение для начальной подготовки профессиональных юристов, причем в предварении базовых, уже собственно юридических историко-теоретических знаний, которые в теоретическом плане представляются как юридические конструкции.

Представленные нами концептуальные основания могут быть существенно развиты в познании по множеству направлений. Это, в частности, сложное волевое содержание юридических конструкций: коллективной и публичной субъектности, организационных форм публичной власти, способов легитимации и публичного волеизъявления, федерализма, концепции государственного суверенитета и т. д.

Список источников

1. *Горшенев В. М.* Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 117–118.
2. *Иванников В. А.* Воля // Национальный психологический журнал. 2010. № 1 (3) С. 97–102. EDN: NXUUZN
3. *Ивашевский С. Л.* Юридическая конструкция как модель общественных отношений // Юридическая техника. 2013. № 7, ч. 2. С. 266–270. EDN: RBRSFB
4. *Иеринг Р. И.* Юридическая техника. М.: Статут, 2008. 229 с.
5. *Ильин Е. Л.* Психология воли. 2-е изд. СПб.: Питер, 2009. 364 с.
6. *Оль П. А.* Источник права: форма и содержание в контексте суверенизации национальной правовой системы // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2025. № 1 (30). С. 47–56. EDN: KGXLJE
7. *Оль П. А.* Суверенитет государства и суверенность правовой системы Российской Федерации: векторы неизбежных изменений // Теория государства и права. 2024. № 4 (41). С. 150–170. DOI: 10.25839/MATGIP-2024-4-41-150 EDN: LUNEQC
8. *Переверзев В. В.* Юридическая конструкция как научная проблема: теоретико-правовой аспект // Философия права. 2009. № 3. С. 113–116. EDN: KWSMYD
9. *Разуваев Н. В.* Правотворческое значение сочинений юристов в правовой традиции античного мира // Журнал юридической антропологии и конфликтологии 2023. № 2. С. 7–33. EDN: IRMAQE
10. *Разуваев Н. В.* Юридическая доктрина как средство конструирования правовой реальности // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2019. № 1. С. 5–21. EDN: NPOJNT
11. *Разуваев Н. В.* Социально-исторический контекст права собственности в римском частном праве // Российская юстиция. 2025. № 12. С. 57–67. DOI: 10.52433/01316761-2025-12-57 EDN: MUSQGJ
12. *Сапун В. А.* Право. Правовые средства. Правосознание. СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2012. 416 с.
13. *Тульчинский Г. Л.* Проблема воли: современные тематизации // Философские науки. 2017. № 7. С. 33–44. EDN: ZNLZP
14. *Черданцев А. Ф.* Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург: Наука, 1993. 189 с. EDN: QTWVDT
15. *Черданцев А. Ф.* Юридические конструкции, их роль в науке и практике // Правоведение. 1972. № 3. С. 12–19.
16. *Шептулин А. П.* Система категорий диалектики. М.: Наука, 1967. 374 с. EDN: WLXLZE.

Об авторе:

Оль Павел Андреевич, профессор кафедры теории и истории права и государства, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор юридических наук; e-mail: opspb@mail.ru

References

1. Gorshenev, V. M. (1978) Atypical Normative Provisions in Law. *Soviet State and Law*. No. 3. Pp. 117–118.
2. Ivannikov, V. A. (2010) Will // *National Psychological Journal*. No. 1 (3). Pp. 97–102.
3. Ivashevsky, S. L. (2013) Legal Design as a Model of Social Relations. *Legal Technique*. No. 7, Part 2. Pp. 266–270.
4. Jhering, R. (1898) Geist des Römischen Rechts auf den Verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Theil 2. Leipzig, 390 p.
5. Ilyin, E. L. (2009) Psychology of the Will. 2nd ed. St. Petersburg: Peter, 364 p.
6. Ol, P. A. (2025) The Source of Law: Form and Content in the Context of the Sovereignization of the National Legal System. *Bulletin of the Military Academy of the National Guard Troops*. No. 1 (30). Pp. 47–56.

7. Ol, P. A. (2024) The Sovereignty of the State and the Sovereignty of the Legal System of the Russian Federation: Vectors of Inevitable Changes. *Theory of State and Law*. No. 4 (41). Pp. 150–170. DOI: 10.25839/MATGIP-2024-4-41-150
8. Pereverzev, V. V. (2009) Legal Construction as a Scientific Problem: A Theoretical and Legal Aspect. *Philosophy of Law*. No. 3. Pp. 113–116.
9. Razuvayev, N. V. (2023) The Law-Making Significance of the Writings of Jurists in the Legal Tradition of the Ancient World. *Journal of Legal Anthropology and Conflict Studies.* No. 2. Pp. 7–33.
10. Razuvayev, N. V. (2025) The socio-historical context of the right of ownership in Roman private law. *Russian Justice*. No. 12. Pp. 57–67. DOI: 10.52433/01316761-2025-12-57
11. Razuvayev, N. V. (2019) Legal Doctrine as a Means of Constructing Legal Reality. *Theoretical and Applied Jurisprudence*. No. 1. Pp. 5–21.
12. Sapun, V. A. (2012) Law. *Legal means. Legal consciousness*. St. Petersburg : NWIM RANEPA, 416 p.
13. Tulchinsky, G. L. (2017) The Problem of Will: Modern Thematizations. *Philosophical Sciences*. No. 7. Pp. 33–44.
14. Cherdantsev, A. F. (1993) *Logical and Linguistic Phenomena in Law, Legal Science, and Practice*. Yekaterinburg: Nauka, 189 p.
15. Cherdantsev, A. F. (1972) Legal Constructions and Their Role in Science and Practice. *Jurisprudence*. No. 3. Pp. 12–19.
16. Sheptulin, A. P. (1967) *The System of Categories of Dialectics*. Moscow : Nauka. 374 p.

About the author:

Pavel A. Ol, Professor, Department of Theory and History of Law and State, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Jurisprudence); e-mail: *opspb@mail.ru*

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.